Про права

Дмитрий Пучков

SHOUT
SHARE
IT

- Про права

Про права

Сегодня ездил менять права – старые на новые. Попёрся неведомо куда, на шоссе Революции – там и города уже не видно. Сидел в очередях, вертел башкой. Смотрел на всякое. Думал про разное.

Когда-то давно, когда я был молодым парубком двухметрового роста/косая сажень в плечах, Родина решила призвать меня к исполнению священного долга и почётной обязанности – послужить в Красной Армии. Поскольку в делах службы был я опытен (всё детство среди солдат прошло), то без промедления решил обучиться на водителя и получить права – ибо чем ближе к правильной технике, тем правильнее проходит служба. Кроме того, призвать меня должны были осенью, а какой дурак по своей воле захочет снег убирать и квадратные сугробы делать? Стало быть, надо учиться до весны, потому что рвать руками одуванчики значительно проще, чем бегать с лопатой.

Из военкомата без промедления направили в школу ДОСААФ (Добровольное Общество Содействия Армии, Авиации и Флоту). Там в компании тридцати таких же как я придурков начали учить. Учёба шла весело. Преподавателем у нас был отставной военный, обладатель соответствующей военной лексики и особенностей мышления. Пытался с нами бороться криками «Заставлю туалеты мыть!», но это ему была не армия, и в ответ мы только яростно ржали.

Обучали при этом вещам полезным: материальной части, правилам дорожного движения, вождению. Материальную часть спрашивали в сугубо военном стиле: а какого диаметра цилиндр у ЗиЛ-130? А в каком порядке затягивается головка блока цилиндров? А какое усилие должно быть на ключе? Не говоря про всякие установки зажигания и метки на маховиках. Это интересно и познавательно, да и в жизни никогда не помешает.

Значительно хуже было с вождением. Когда я первый раз залез в грузовик, там меня (и не только меня) поджидал инструктор a la армейский дедушка. Машину я никогда не водил и за рулём никогда не сидел, о чём сразу сказал. Инструктор мне немедленно сообщил всё, что думает обо мне и о моих умственных способностях, после чего дал команду трогаться. Я начал трогаться и, понятно, заглох. Тогда инструктор схватил треугольничек с буквой У и стукнул меня им по башке. А я бросил руль и несколько раз стукнул инструктора в рыло. На этом мой первый урок вождения закончился – инструктор от дальнейшего обучения отказался.

После такого мощного начала ездить совсем не хотелось. Следующий инструктор бить меня опасался, но постоянно пакостничал и говорил гадости. Общения с ним избегал всячески, занятия прогуливал. В итоге из положенных 60 часов к выпуску наездил ровно 12. Экзамены, тем не менее, бодро сдал.

Делать было нечего – до армии ещё было месяца три, и я пошёл работать. В продуктовый автопарк, естественно, где при советской власти воровали так, что даже в перестройку не все могли таким уровнем похвастаться. Там мне дали мощный «трак» – ГАЗ-51 категории «от забора». Коробка там «с перегазовкой», тормоза работали с пятого качка, габариты не горели – всё как положено для молодого бойца. И я был рад, потому что мой товарищ не получил ничего, ибо при пробном заезде под зорким оком автопаркового начальника безопасности движения упал на грузовике в слесарную яму на въезде в парк.

Возил сперва молоко с первого молочного завода. Впечатления были яркие, красочные: кисло-молочная вонь, работа грузчиком и водителем одновременно. Города совсем не знал, как и куда ехать на машине – не имел ни малейшего представления, потому что всю жизнь пользовался только трамваем. Ну и опыт вождения, понятно, 12 часов. Тем не менее практически всем премудростям обучился ровно за день. А дальше уже пошло – благо рабочие дни у меня меньше чем по шестнадцать часов не получались.

Ездить было круто. Гидроусилителей руля тогда не было, тормоза не тормозили, даже сигнал не работал. Заезды во все магазины центральных районов – через арки во двор. Заедешь, разгрузишься, рессоры выпрямятся – назад не выехать, фура в подворотню не лезет. Бегаешь, уговариваешь прохожих забраться в кузов, чтобы можно было выехать. Внутри двора не развернуться, как-то раз в процессе разворота встал так, что и от переднего бампера до стены – 10 см, и сзади ровно столько же. Сколько раз сделал вперёд/назад – учёту не поддаётся, мокрый был, как мышь.

Старшие товарищи при этом изо всех сил воровали. Мой наставник, отец шестерых детей, пёр всё так, что пищевая промышленность, наверно, до сих пор очухаться не может. Каждый день в раздевалке устраивалось торжище – кто чего наворовал, тот и продавал. Самые ходовые товары – колбаса копчёная, мясо и алкоголь. Копчёная колбаса – роскошь, какая-то там рябина на коньяке (ни разу не пробовал) – роскошь, мясо – качественное и очень дёшево. Пивники сливали пиво вёдрами. В процессе торговли всегда начинался всеобщий гужбан – пили серьёзно и много. Воровали все, поголовно, без исключения. А я

помогал воровать наставнику, отцу шестерых детей, потому что он меня учил всему.

Но когда меня уже практически научили и я был готов ко всем аспектам социалистического труда, меня внезапно перебросили на хлебозавод. А там – всё не так, совсем другое воровать надо и совсем другими способами. Пока присматривался где они прячут дрожжи и жрал пряники, меня перевели обслуживать детские сады. Там тоже все воровали. Но воровать еду у детей – в моём понимании крайнее западло. Поэтому я детишек только объедал, потому что во всех детских садах меня, худенького, сердобольные тётеньки кормили. Тётенькам я всегда нравился.

Ну а потом – военкомат, этап, казарма в учебке. Там дедушки оказались настоящие. Сопротивляться было страшно и очень опасно. Внешний вид мой по не очень понятным для меня причинам людей незнакомых отторгает – отрицательно они ко мне относятся. В армии с этим было совсем плохо. Одна тварь в чине ефрейтора надо мной глумилась постоянно. Но через полтора года ему крупно повезло: на учениях его прислали в нашу часть. И вышло так, что дедушкой там оказался я. Не сомневаюсь, эта гнида до сих пор очень сильно жалеет о встрече.

Вождения в учебке практически не было. Но когда было, били исправно. Правда, потом, когда приехали служить в часть, оказалось, что в учебке всё было как в пионерлагере: во-первых очень безобидно, а во-вторых совсем не больно. В учебке меня определили обучаться газовой технике – на компрессор, с допуском до 400 атмосфер. Страшная и опасная для жизни конструкция. За неё тоже по рылу доставалось. Но потом это дало массу плюсов в службе.

По завершении обучения устроили пятисоткилометровый марш – как положено, с записью в военном билете о совершении оного. Я пару раз на ходу уснул за рулём. Как мы с дедушкой не убились – даже и не знаю. Хорошо он всё проспал. На привале я вылез из кабины и простудился, после чего слёг. Положили в санчасть. Там с удивлением узнал, что есть целая толпа уродов, которые постоянно болеют и косят от службы. У всех были какие-то болезни, все постоянно прятались. Один по ночам воровал лекарства и вкалывал всё подряд себе в ноги в надежде на осложнения – служить не хотел. Такого количества моральных уродов в одном месте не видел более нигде, даже в тюрьмах.

В санчасти мне дали шерстяное одеяло. Я под него как упал, так только через сутки проснулся. Это было непередаваемо круто: одеяло, которое тебя греет. И спать можно столько, сколько хочешь. За два года службы болел трижды. Первый раз мне

рядовой Потапов из Вологодской области защемил палец дверью. Рядовой Потапов категорически не отличал лево от право, даже когда его сильно били. Ну а я, идиот, решил помочь ему закрыть дверь. В результате этот баран сорвал мне ноготь со среднего пальца правой руки.

В непроглядной ночи с жутким воем бежал я в сторону санчасти. На звонки никто не открывал. Кровь текла как из свиньи, больно было – караул. Я звонил и звонил. Дверь открылась, оттуда вышел дед и разбил мне морду – чтобы не мешал ему общаться с медсестрой. Медсестра, паскуда бесстыжая, изо всех сил делала мне больно и острила по поводу моей разбитой физиономии. Этих сволочей потом поймать, увы, не удалось. О чём жалею.

Второй раз простудился на марше. Отлично поболел! Третий раз – чирей на морде вскочил. Господин лейтенант из медицинского руководства предложил мне помыть пол. Я ему вежливо ответил, что я сержант и полы мне мыть не положено. Плюс я этого ещё с автошколы не терплю. Лейтенант мне не менее вежливо сообщил, что у него тут нет сержантов. У него тут, дескать, все больные. И полы я мыть буду как все, на общих основаниях. После чего я в особо вежливой форме предложил ему скинуть кителёк с погонами и помыть полы самому – на общих, так сказать, основаниях. Тут меня сразу выписали, потому что я оказался полностью здоров, и больше я к этим гнилым учреждениям не подходил никогда.

Единственный раз проявил малодушие – прихватило желудок, а посланному мной молодому бойцу таблеток для моего лечения не давали, сказали чтобы сам пришёл. Поскольку мне было плохо, я пошёл в штанах, в тапках, и в рубахе от кальсон – как комиссар на расстрел. Дойти не смог. Сперва сел на асфальт. Проходившие мимо офицеры радостно смеялись: гляди, опять бойцы перепились! При попытке встать потерял сознание и упал. Шедшие мимо войсковые товарищи подобрали меня, унесли обратно в казарму, положили в коечку и укрыли шинелкой. Там я и поправился сам по себе, без их вонючих таблеток.

В части меня отдали стажироваться горячему узбекскому парню. Узбекский парень меня не бил, вместо него меня били два его друга – таджика. Однако когда узбекский парень передал мне перед своим дембелем машину насовсем, я избил обоих его таджикских друзей. Сперва одного, а потом и второго. Особенно старательно бил рядового Ашурова. Думаю, им до сих пор есть что вспомнить.

Машина у меня была Зил-131, новая и хорошая. В ней я в прямом смысле слова прожил полтора года: ел, пил, спал,

веселился. В ней можно было ото всех спрятаться, уехать в самый дальний угол и не видеть ни одной гнусной рожи целый день. Мне в машине было хорошо. Я её любил. Кроме того, у меня был отдельный дом, в котором стояло два компрессора. Когда заводил мега-дизель ЯМЗ-238, даже ротный ближе чем на пятьдесят метров к сараю не подходил. Поэтому мы там обитали вдвоём – я и Шерстяной.

Зимой дизель не заводился даже от танкового аккумулятора. Поэтому заводил я его от передвижной электростанции. Через полчаса работы компрессора помещение прогревалось так, что внутри можно было ходить только в кальсонах. Или без. Летом я сидел на крыше и бросал камни в выхлопную трубу. Камни вылетали метра на три – выхлоп был отменный. Кроме того, на выхлопной трубе дизеля можно было варить суп из концентратов. Так что и со здоровым питанием вопрос был налажен.

Это было круто – своя машина и свой дом. Авторитет среди безлошадных и бездомных сослуживцев невозможно было измерить. А для придания солидности я свой автомобиль в паре мест прострелил из автомата. Чему страшно завидовал весь батальон.

Когда демобилизовался, в продуктовые парки более не ходил, одного раза хватило. Пошёл в самосвалы. Там сперва два месяца работал на ТО-2 в слесарной яме, менял тормозные колодки и всё такое. Трёхгранным штыком наживлял пружины. Как-то раз пружина сорвалась и я чуть не лишился правого глаза. Потом мне дали автомобиль IFA, производства ГДР, и на нём я возил из гавани уголь, песок с восемнадцатого причала, горцовку и прочую парашу. По осени убирал урожай с полей – капусту и прочую ботву. Потом я понял, что лучше ездить с прицепом и стал ездить с прицепом. Потом я понял, что с прицепом лучше ездить по ночам и стал ездить с прицепом по ночам. Потом я понял, что с прицепом по ночам лучше ездить по выходным, и стал ездить с прицепом по ночам по выходным.

Военная фуфайка, кирзовые сапожищи, монтажный шлем на башке. Руки после работы можно отмыть только стиральным порошком. Грязища, вонища, беспробудное пьянство. Работа водилы – очень тяжёлый физический труд. Когда работал днём, из дома уходил в шесть, обратно приходил не ранее девяти вечера. Садился жрать и засыпал прямо за столом. Однако за всё это платили деньги, по тем временам – весьма немалые.

Потом в упражнениях по езде случился некоторый перерыв – я отправился работать гегемоном на завод. Но и там Родина не забывала: меня, ценного специалиста, не пойми зачем поймали и отправили на сборы – переучиваться на тяжёлую гусеничную

технику. Там нас, лишенцев, было много, возраст – от 20 до 42. Самый молодой два месяца как дембельнулся, самого старого на сборы забрали в один день с сыном, которого призвали служить срочную. Вывезли нас в Карелию, посадили в самые разные механизмы и выпустили на полигон.

Гусеничная техника – она совсем не такая, как на колёсах. Например, в танке полностью отсутствует руль. Кроме того, оно едет не так, поворачивает не так, тормозит не так. Как едет танк? Понятно, он едет как танк. Как поворачивает танк? Он чем быстрее едет, тем хуже поворачивает. Поэтому на всех поворотах на танкодроме с внешней стороны поворота деревья очень далеко не растут. Точнее, отрасти не успевают – постоянно их сносят. Как тормозит танк? Танк тормозит как об бетонную стену. Если кто наверху сидит (а там постоянно рыл десять наслаждается прогулкой по дюнам через сосновый лес), то при торможении могут харями люки погнуть. Недостаток у танка ровно один: через триплексы ни хрена не видно, куда едешь. Но когда ты едешь на танке, это не очень сильный недостаток.

Ездила советская гусеничная техника очень быстро, на кочках и буграх не подпрыгивала совершенно, рычала адски. Техническое обслуживание – песня. Танкодром – он весь песчаный, а песок – он абразив. И как только от души на танчике погоняешь, так у него гусеницы провисают. Ликвидируется это извлечением траков и заменой пальцев. Что это такое – см. х/ф На войне как на войне. Тихий ужас даже в условиях мирного советского времени. Хитрые американцы свои танчики постоянно на трейлерах возят. А у нас всё больше упражения с кувалдой в почёте.

А в штабе части висела огромная карта Северо-Западного театра военных действий (читай – Скандинавии), через которую были прочерчены огромные красные стрелы. И я до сих пор помню, как мы гремя огнём, сверкая блеском стали должны были мчаться через Финляндию и Шведцыю, и в каких населённых пунктах супостатов притормаживать на ночлег.

Но марш бросок на Скандинавию так и не случился. И на родине викингов так и не смогли познакомиться с моими богатыми навыками мастерского вождения. Вместо этого Родина решила послать меня в Чернобыль, показать класс вождения в заездах вокруг реактора. Но поскольку контузий у меня не было, я сам могу кого угодно послать. Так что с гонками вокруг реактора немного не срослось.

Далее чего только не поменял и на чём только не ездил. Особенно яркие впечатления остались от пересдачи на категорию "В" – на легковой автомобиль. Приезжаю на КамАЗе,

перепрыгиваю в «жигули», демонстрирую навыки вождения. И три раза подряд получаю диагноз «не сдал». Веселью не было предела! Это, значит, к моим методам вождения КамАЗа никаких претензий у правоохранительных органов нет. На танке в Европу – будьте любезны отбыть по первому свистку. В Чернобыль – милости просим. А на «жУчке» – нет, не можешь. Атас. Только с третьего раза пересдал.

Когда пересдал, пару лет бомбил на машине по ночам. Возил обычных и пьяных граждан, проституток и сутенёров, воров квартирных, бандитов и прочую сволочь. Регулярно участвовал в спаррингах с неплатёжеспособными клиентами. Один раз пробили башку. Два раза душили верёвками. Один раз бросили гранату. Очень, очень интересная была работа.

Сидел в очереди и думал про всякое. Вроде всю жизнь в кровище и в дерьмище, а вспоминать начинаешь – всё вроде бы весело и прикольно было. Голова у человечишки так устроена, что не хочет помнить ничего плохого. А если её вынуждают, то она и в плохом находит хорошее/интересное.

Всю жизнь права носил в обложке натуральной кожи, от комсомольского билета. Обложка тоже прострелена для красоты – четыре раза. Мне часто и горячо доказывают, что пистолет Макарова – очень плохой, что попасть из него никуда невозможно. Вот – демонстрировал наивным товарищам, как я с двадцати метров куда угодно попадаю. Ибо дело, как водится, не в пистолете. А в том, откуда руки растут. В общем, вытащил я свои ветеранские права из простреленной обложечки, и поменял.

Поглядел в новый документ – а там 24 (двадцать четыре) года стажа.

Во, блин.

Дожил.